

ПРЕДЕЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СТРАН МИРА*

М.В. Ильин

В современной политической науке все шире используется понятие государственной состоятельности (*stateness*). Его понимание разнообразно, а опыт использования в эмпирических исследованиях достаточно велик. При этом попытки дать новые трактовки государственной состоятельности продолжают-ся, в том числе и в рамках теоретизирования по поводу природы государства как такового. Необходимость дальнейшей концептуализации государственной состоятельности очевидна, однако одновременно назревает и необходимость операционализации данного понятия. Для эмпирических исследователей, компаративистов это важно само по себе. Для всех остальных, включая теоретиков и идеографов-интерпретаторов, это может способствовать более конкретному и полному уяснению понятия государственной состоятельности.

Возможный подход к решению задачи операционализации данного понятия связан с рассмотрением четырех основных вопросов:

Как разные страны и политические системы становятся государствами-состояниями?

Какие страны и политические системы стоят за различными государствами-состояниями в условиях эволюционной чересполосицы?

Как влияет различная природа отдельных политических традиций на государственную состоятельность?

Что и для кого делает различные государства состоятельными?

Как соотносятся параметры состоятельности государств разных типов?

Прежде чем пытаться дать ответы на вышеперечисленные вопросы, нужно прояснить исходные позиции. Нередко слова *страна*, *полития*, *государство* употребляются как синонимы, а порою становятся равнозначными именам собственным: Россия, Япония, Куба. Это опасно. А с точки зрения темы данной статьи — совершенно неприемлемо.

О чьей государственной состоятельности может идти речь? Государства, именуемого «Российская Федерация»? Нынешней отечественной политики, т.е. политической системы, включающей по самой простенькой теоретической схеме кроме государства также гражданское общество и структуры посредования между ними? Нашей страны, с ее природой, хозяйством, культурой и, конечно, политикой? Можно ли говорить о государственной состоятельности России как мифологического, даже мифического единства и тождества всех этих ипостасей и много чего другого, включая историческую судьбу и предназначение?

Опыт обсуждения государственной состоятельности даже среди коллег — чего уж говорить о журналистах и политиках — показал, что разговор сразу же дрейфует в сторону рассуждений, какая страна «самое» прочих, кому живется весело, вольготно на Руси (подставить любую страну). А ведь в строгом смысле допустимо обсуждение государственной состоятельности только собственно государства или — еще же и точнее — его институциональной

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 10-03-00677а «Смена поколений международных систем как фактор государственного строительства».

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

структуры, предназначенной обеспечивать эту самую состоятельность. Во всех остальных случаях происходит метонимический перенос на более широкое и масштабное явление. Это неизбежно ведет к не менее масштабному искажению понятия. Но при всем этом как не признать, что за институциональной структурой обеспечения состоятельности маячит и вся политическая система, и вся политическая культура, и вся страна. Это означает, что предельно строгое и конкретное определение, которое по природе своей неизбежно «ненасыщено» (*thin*), потребуется дозированно и осторожно насыщать дополнительным содержанием, чтобы получить куда более «плотную» (*thick*) и богатую версию понятия. Вопрос в том, как это сделать, избегав опасных деформаций и искажений концепта государственной состоятельности. Можно попробовать последовательно проследить взаимные порождения странами политий, а теми — государств, равно как и обратный порядок: государства — политические системы — страны. При этом, естественно, в фокусе внимания оказываются соответствующие превращения государственной состоятельности.

Как разные страны становятся государствами-состояниями?

При всей своей теснейшей связи с политическими системами государства-состояния отнюдь не являются их прямыми порождениями и продолжениями. До их появления, до начала перехода к Модерну политические образования разного рода взаимодействовали на основе Природнения-и-Усыновления (*Apparentation-and-Affiliation*) [Toynbee, 1954; Тойнби, 2010, с. 950 и далее]. В условиях модернизации возникает модель чистого природнения, а точнее, освоительства (приема в семью)¹ в виде формальной кооптации.

¹ Под приемом в семью в данном случае понимается как сродство через брак (*kinship by marriage*) или свойство (*affinity*).

Мы в состоянии исторически и институционально проследить процесс подобной кооптации. Государства-состояния возникли в некоем условном ядре общего цивилизационного пространства Западной Европы в качестве территориальных ячеек общей координатной сетки [Мельвиль и др.]. От исходной сетки Итальянской лиги второй половины XV столетия развитие шло путем создания все более обширных и сложных сеток, пока на рубеже XIX и XX вв. эта сетка не стала глобальной.

По мере разрастания сетки с XV по конец XIX в. происходила простая кооптация. При этом основные ее «лоскуты» сами по себе были сетками колониальных империй. Следующее столетие свелось к реконфигурации глобальной сетки и вписанных в нее субсетей. Однако сам формальный механизм кооптации не только сохранялся, но и укреплялся. Во многом этому способствовало существование и деятельность всемирных межгосударственных организаций — Лиги наций и ООН.

Странам и политическим системам свойственны многообразные и многоуровневые взаимосвязи, сложившиеся в основном спонтанно как результат отпочкований, поглощений и совместного сосуществования. Эти связи выражаются и в родовых, и в семейных сходствах, которые нередко трудно разделить. Для собственно государств-состояний характерны формальные связи, ставшие результатом дипломатических усилий и сознательного государственного строительства. Сходства между ними исключительно фамильные. Именно это и дает основания говорить об освоительстве в виде формальной кооптации как единственном пути создания государств, какие бы страны и политические системы и сколь бы интенсивно ни участвовали в этом. Последнее слово принадлежит межгосударственным системам и уже входящим в них государствам-состояниям. Они не только решают, ко-

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

му становиться членами их «клуба», но и задают стандарты столь же формально-го признания государств-состояний изнутри, их собственными гражданами или подданными.

Однако координатная сетка мировой политики не оторвана от своей среды, образованной странами и политическими системами. Эта сетка покоится на многослойной и к тому же крайне неоднородной и различной по плотности хронополитической подложке. Фактически государства-состояния при всей своей формальной самостоятельности или суверенности вписаны в глобальную эволюционную чересполосицу. Это не может не оказывать на них существенного воздействия.

Какие страны и политические системы стоят за различными государствами-состояниями в условиях эволюционной чересполосицы?

Географические пространства становятся месторазвитиями [Савицкий, 1997], когда населяющие их люди начинают преобразовывать и очеловечивать эти пространства. Сами люди при этом приобретают свой образ жизни, собственное лицо, субъектность. Возникает общая судьба, а с нею понятие общности страны и народа. Страна и населяющий ее народ, таким образом, это предельно широкое и многостороннее явление, которое может концептуализироваться огромным количеством способов. Некоторые из них очень удачно охарактеризовал в своей книге «Государство как форма жизни» Рудольф Челлэн [Челлэн, 2008], но далеко не все и отнюдь не систематически. Здесь будет использоваться русский термин *страна*, понимаемый как единство пространства и населяющего его народа, как их общее месторазвитие. Есть у этого единства очень важное качество — потенциал месторазвития. Его по отношению к стране можно считать аналогом того, чем является состоятельность по отношению к государству-состоянию.

По мере формирования и развития страны образуются ее отдельные аспекты. Это, например, создаваемая людьми искусственная географическая среда — дороги, мосты, строения и т.п. Это также хозяйство. Это особый образ жизни. Это, наконец, обычаи, навыки и характерные способы взаимодействия друг с другом в своей привычной среде для решения практических задач, для реализации совместных целей и намерений. Этот последний аспект и есть политика, а выделенный как вполне целостное и самостоятельное образование — политическая система. Она является порождением страны, но не идентична ей. В то же время политическая система — это своего рода политическая ипостась страны. Она несет на себе отпечаток ее специфического характера, сформированного вживанием народа в свою среду (не только исходную географическую, но творимую им самим), а значит, и историей этого вживания.

Отражая характер страны, политическая система по мере развития становится все более самостоятельным явлением со своей логикой и возможностями. Эти логика и возможности институционально закрепляются и эволюционно накапливаются. Обобщенно этот комплекс можно назвать хронополитическим потенциалом, который в череде трансформаций позволяет политике осуществлять свое предназначение — обеспечивать страну порядком, позволяющим поддерживать благополучие и реализовывать общие задачи. Хронополитический потенциал политики можно считать аналогом потенциала месторазвития для страны, а также состоятельности для государства-состояния.

Все страны глубоко своеобразны — каждое географическое пространство уникально, как и населившая его человеческая популяция. Разумеется, между отдельными месторазвитиями можно усмотреть сходства, их можно разделить на типы и разновидности. Однако об-

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

шая идея, концептуальная рамка месторазвития остается крайне общей, абстрактной и в силу этого «ненасыщенной» (*thin*). Политическая система, будучи более конкретным аспектом страны, куда насыщеннее. Есть немало структурно-субъектных, а также институционально-организационных конфигураций, связанных с циркуляцией власти, принятием решений и т.п., которые присутствуют в любых политиках, пусть даже и в крайне своеобразных, не похожих на другие формах. Это позволяет рассуждать о политике и политических системах в чисто философском или теоретическом плане. Однако в данном случае важнее эмпирический характер политики, поскольку хронополитический потенциал вполне конкретен и зависит от условий месторазвития и накопленных им в ходе эволюции и истории возможностей обеспечения порядка, благополучия и реализации совместных устремлений.

Хронополитический потенциал существенно варьируется в зависимости от эволюционного типа политики.

Самые простейшие и ранние морфологически являются закрытыми системами, а их месторазвития не выходят, как правило, за локальные масштабы. Они нас не интересуют, поскольку в этом масштабе и на этом эволюционном уровне образуются только племенные образования, в лучшем случае вожества. Их хронополитический потенциал можно охарактеризовать как государственность в исходном, «этимологическом» смысле как способность осуществлять господство. Попытки историков первобытного общества и антропологов говорить о вожествах, например, как о примерах ранних государств оправданы только в концептуальных рамках идеи господства-властительства (*dominium*, *lordship*, *Herrschaft* etc.).

Более обширные, сложные и многомерные политики возникают в результате морфологического «приоткрывания».

Это в первую очередь полисы, включающие демы и концы, а также сельскую или иную округу — хору. Тем самым прежние господства-властительства включались в полис, по Аристотелю, как его несовершенные формы. Сами полисы образуют амфикистии и иные союзные сети. Хронополитический потенциал полиса и сходных полукрытых систем можно по справедливости назвать политичностью. Собственно политика в исходном смысле концептуализировалась Платоном, Аристотелем и прочими классиками как раз на материале античного полиса. И на деле полисные практики от шумерских и древнерусских до мезоамериканских и индийских городов-государств в большей или меньшей мере вели к формированию условно открытых и условно публичных пространств (агора, форум, вече и т.п.) соревновательного принятия решения и общего контроля над их осуществлением. Соответствующие политические возможности — политичность — получили наибольшее развитие, пожалуй, в античных Элладах и Риме [Драгунский, Цымбурский].

Еще более масштабные и многомерные месторазвития образуются с появлением в полной мере открытых структур — империй и цивилизаций. Их хронополитический потенциал создается объединением и приумножением потенциала интегрируемых полисов и господств-властей за счет их включения в морфологически открытую структуру, настроенную на цивилизацию всей ойкумены. Этот потенциал можно было бы назвать цивилизованностью. Его логика заключается в извлечении простых, «необработанных» ресурсов из «варварской» среды, их переработки, «цивилизации» и экспорта обратно в среду, что естественно сопровождается экспансией открытой системы.

Потенциал цивилизованности значительно укрепляется при дальнейшем накоплении эволюционных форм, в том числе и за счет их «призакрывания» и пе-

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

ренаправления цивилизующей работы внутрь. Это достигается, например, в рамках так называемых хризалид — особых форм устойчивого постимперского существования цивилизаций, а именно западноевропейской времен Средневековья и японской времен токугавского сегуната. Можно, вероятно, охарактеризовать хронополитический потенциал подобных систем как автоцивилизованность. Он позволяет развиваться не только и не столько за счет взаимодействия с внешней условно «варварской» средой, сколько за счет проработки альтернатив внутри себя. Это позволяет систематизировать взаимодействия, в том числе и контрактные, между отдельными группами (организациями) и лицами (индивидуальными ролями).

Вскрытие куколки-хризалиды дает новое усложнение эволюционных форм, а с ним и возможностей организации власти. Именно тут на сцену выходит государство в собственном смысле слова. Это государство-состояние (*status, lo stato, the state, l'état, Staat etc.*), а точнее — международные системы², фактически интегрированные с конца XIX столетия в глобальную систему государств. Действительно, при рассмотрении смены, а фактически наращивания эволюционных форм мы обращали внимание на самую масштабную, включающую и перерабатывающую предшествовавшие. Полис включил роды и племена, сделал их демами и концами. Империи включили города, царства и разного рода объединения (амфикионии, симмахии и т.п.). Хризалиды пестовали внутри себя территориальные, корпоративные, религиозные и прочие образования. Соответственно высшей и масштабной эволюционной формой Нового времени или

Модерна стала международная система и ее основная ячейка — территориальное государство-состояние.

Это в некоторых отношениях совершенно новый морфологический тип организации. Для него свойственна открытость второго порядка [Ильин, Цымбурский], т.е. способность регулировать³ закрытость и открытость во времени, в пространстве, а также и функционально. Эта морфологическая особенность как раз и становится базой для большинства современных политических институтов, например (территориальных) границ и гражданства, антиномичной диады автономных, «самозамкнутых» государств и гражданских обществ, четко разделенных по времени выборами политических режимов и т.п. Государства с их четко определяемыми территориальными, временными и функциональными деланиями — в международных системах и внутри себя — становятся наиболее удобными и четко формализуемыми отправными ячейками для современного институционального строительства.

Такова общая хронополитическая (эволюционно-морфологическая) схема. Она выглядит аккуратной исключительно в аналитическом плане и на достаточно высоком уровне абстрагирования. На практике при уменьшении масштаба ее отчетливость существенно уменьшается за счет большого количества привходящих обстоятельств, случайных в эволюционном и даже историческом смысле событий — своего рода «шума» и «помех». Однако главное даже не в этом. Планетная интеграция порождает глобальную эволюционно-морфологическую чере-

² Это и исторические поколения международных систем, и колониальные империи, и модернизируемые цивилизационные пространства, и разного рода геополитические ниши (Средиземноморье, Балтийский регион и т.п.).

³ Родоплеменные морфологические структуры закрыты раз и навсегда, они могут только контролировать степень этой закрытости. Исторические империи открыты раз и навсегда, они могут варьировать лишь интенсивность своей открытости. Разного рода китайские стены и трояновы валы лишь исключения, подтверждающие правило.

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

сполосицу и крайнюю неоднородность политических традиций. В одних случаях, например в Западной Европе, оказались существенно проработаны все морфологические возможности, в других — Восточная Европа и Северная Евразия, Дальний Восток, Южная Азия и т.п. — только некоторые из них, а кое-где, например в Африке, эта проработка осталась довольно поверхностной и неглубокой. Естественно, воздействие соответствующих политических традиций на государственную состоятельность отдельных территориальных ячеек глобальной системы государств дает разные, порой неожиданные эффекты.

Как влияет различная природа отдельных политических традиций на государственную состоятельность?

Существенной особенностью политической модернизации было то, что первоначально внутри западной христианской традиции, а затем поверх нее начала образовываться формальная и в этом смысле потенциально внецивилизационная координатная сетка государств-состояний для чисто технической рационализации взаимодействий различного масштаба, типа, характера, происхождения и т.п. Разумеется, подобная структура должна была быть предельно простой и формализованной, очищенной от всяческого наследия, которое предлагалось различными политическими традициями. Таков был ведущий организационно-морфологический принцип. Однако он немедленно столкнулся с «сопротивлением материала» — людскими привычками, предрассудками, устоявшимися системами ценностей, а главное — с различной плотностью европейской, а затем и глобальной хронополитической чересполосицы.

С одной стороны, создание координатной сетки государств-состояний диктовало исключительное использование формального природнения, освоиствления, т.е. чисто механической аффилиации государств-состояний в меж-

дународные системы, а тем самым в современную политику или, как любят выражаться люди с пространственно организованным сознанием, «в Европу». Этот тренд подкреплялся формированием у государств-состояний статусности (*statehood*). С другой стороны, формальные территориальные ячейки необходимо действовали и осуществляли свое функциональное предназначение в действительном мире, который жив политическими и иными традициями. В этих условиях государствам-состояниям пришлось формировать необходимый потенциал в виде состоятельности (*stateness*). А он, в свою очередь, не мог не черпаться в основном из политических традиций, из живой практики функционирования политических систем разного хронополитического возраста и зрелости.

Данные эффекты были заметны далеко не сразу. На них обратили внимание лишь отдельные проницательные умы. Уже Николо Макиавелли мимоходом во вводной фразе «Государя» среди современных ему наследников Итальянской лиги выделяет две линии — собственно государств-состояний (*li stati*) и господств-владычеств (*e'domini*), относя к первой республики, а ко второй принципаты (*principati*) — на русский точнее было бы перевести *первенства*. Джованни Ботеро еще более детально дифференцировал современные ему государства на различные типы, связывая их, правда, скорее с масштабом, чем с традициями. Впрочем, масштаб зачастую и был традицией, а традиция требовала соответствующего масштаба. Однако для большинства эти различия были несущественны. Это и понятно. Первоначально все ячейки международных систем были одного корня — западнохристианского, европейского. Однако между Веной (1815 г.) и Версалем (1919 г.) европейский характер системы государств был размыт, а сама она глобализовалась. Вступление в семью государств политических систем

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

различных цивилизационных традиций существенно изменяло как общую конфигурацию международных систем, так и набор институциональных обликов новых, а порой и старых ячеек.

Государства вынуждены утверждать свою состоятельность в сообществе себе подобных. Однако в условиях эволюционной чересполосицы они могут это делать и фактически делают с опорой на эволюционно накопленный многослойный потенциал. Ядро старожилов является комплексами господств-владечеств, политий, цивилизационных и автоцивилизационных дубликатов-осколков. Это прежде всего западноевропейские государства-состояния, их отпочкования и гораздо менее плотные эволюционно политические системы ближайшего окружения Европы — Балто-Черноморья и Средиземноморья. Некоторые ячейки остаются комплексами господств-владечеств и политий, а то и просто господств-владечеств. Это особенно типично для Африки. Немногие — Россия, Китай, Индия — могут рассматриваться как пережиточные цивилизации, а Япония как пережиточная автоцивилизация. Есть некоторое число ячеек, где хронополитическая слоистость крайне противоречива. Достаточно указать на Бразилию, которая как отпочкование имеет все основания для принадлежности к ядру, однако внутренняя неоднородность месторазвития затрудняет целостное восприятие цивилизационного и автоцивилизационного наследия и, напротив, повышает значимость господств-владечеств и локальных политий.

При этом все государства так или иначе вместе с формальными рамками и функциями территориальных ячеек вынуждены примерять на себя морфологические одежды, а с ними и функции, которые международные системы с большими или меньшими подробностями передают от их старожилов новичкам.

Вполне естественно, что свой хронополитический потенциал государства-

ячейки подкрепляют всем, чем только могут. В ход идет не только наследие собственно политической морфологии, но и всяческие ресурсы — не только политические, внешние и внутренние. В результате режим или правительства различных государств-состояний начинают использовать совершенно разный и по происхождению, и по природе потенциал. Этот потенциал только в общем панорамном взгляде играет роль государственной состоятельности. При фокусировании взгляда на отдельной ячейке перед нами появляются глубоко своеобразные и, по сути, уникальные фактические возможности реализовывать свой статус государства-состояния.

Для кого и благодаря чему государства становятся состоятельными?

Сколько бы масштабным ни был совокупный потенциал страны и политической системы, для подкрепления и усиления государственной состоятельности определяющим остается то, ради чего (и кого) этот потенциал используется. Ответ двоякий. Это другие государства-состояния, а также собственные граждане, или подданные.

Отношения с прочими государствами-состояниями строятся в диапазоне от формального равенства до конфигуративного неравенства. Эти неравенства по меньшей мере двух видов — пространственные и временные, темпоральные. Первые в основном определяются близостью или удаленностью от средоточий взаимодействий между государствами и стоящими за ними политическими системами и странами. Вторые связаны со сроками и обстоятельствами включения в международные системы и всей историей участия в меняющейся системе международных отношений. Каждой ячейке необходимо подкрепить государственным могуществом и другими своими возможностями свое положение в диапазоне от формального равенства до конфигуративного неравенства. Очень грубо оценивая, долгожителям, оказав-

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

шимся в центрах взаимодействия, необходимо очень много могущества, тогда как новичкам и к тому же на периферии — куда меньше, чем остальным.

Отношения с собственными гражданами, или подданными, также должны реализовываться: обязательства граждан по отношению к государству и государства по отношению к гражданам должны инфраструктурно и ресурсно обеспечиваться. Здесь также можно теоретически выдвинуть и обосновать требование формальной симметрии. Однако на практике приходится учитывать фактическое конфигуративное неравенство в отношениях между государством и гражданами.

Конечно, можно сколь угодно энергично настаивать, что в теоретической, политико-философской, а то и идеологической перспективе симметрия в отношениях между государством и гражданами есть безусловно должное. Однако от повторения этих истин во рту слаще не станет. Куда важнее в практическом плане выяснить, как обстоят дела на деле. В этой установке эмпириков самой по себе нет ни грана апологетики. Если что-то нужно изменить, требуется знать, что предстоит менять. Приходится признать, что асимметрия коренится вовсе не в формальных законах и установлениях, а тем более не в злой воле правителей. Проблема вовсе не решается отсечением головы королю Карлу или изгнанием из страны президента Мубарака. Не решается она и принятием новых законов и даже конституций. Неравенство унаследовано. Все те политические системы, которые первоначально создали сетку территориальных ячеек-состояний, а затем расширяли и развивали ее, были асимметричны. Вся власть мыслилась и тем самым фактически осуществлялась сверху вниз. Ее источник был сакральный, а суверен — земным агентом, распределяющим ее вниз по уровням господства. Справедливости ради нужно заметить, что тысячелетняя практика западноевропейской хризалиды способ-

ствовала формированию многочисленных противотоков в циркуляции власти, однако общей картины это не меняло. Только появление народного суверенитета и представительного правления создало возможности для постепенного выравнивания исходной асимметрии.

В нынешних условиях каждая ячейка, каждое государство-состояние имеет свою унаследованную конфигурацию асимметрии, в рамках которой на данный момент взаимодействие между государствами и гражданами может фактически осуществляться. Соответствующие инфраструктурные и ресурсные возможности становятся весьма специфическими и зачастую уникальными проявлениями государственной состоятельности.

Общий вывод заключается в том, что масштаб государственной состоятельности определяется требованиями к тому или иному государству-состоянию со стороны других территориальных ячеек, а также его собственных подданных, или граждан. Однако на этом точку ставить рано. Неравенства и асимметрии существенно варьируют параметры государственной состоятельности, а те в значительной мере зависят от разновидности или типа ячейки.

Как соотносятся параметры состоятельности государств разных типов?

Внешнее конфигуративное неравенство ячеек глобальной координатной сетки, а также внутренняя асимметрия связаны и разными типами, и разновидностями государств-состояний. Сам по себе вопрос о возможности создания универсальной или близкой к универсальной типологии государств только встает перед политической наукой⁴.

Использование предложенной мною типологии позволяет предположить, что требования к государственной состоятельности будут существенно различными для мегахгосударств (производителей и экспортеров международных обществен-

⁴ См. журнал «Политическая наука». 2008. № 4.

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

ных благ), макрогосударств (относительно сбалансированных участников циркуляции международных общественных благ), мини-государств (преимущественно импортеров международных общественных благ), микрогосударств (полностью зависимых от международных общественных благ).

При этом размытые группировки государств-изгоев и несостоявшихся государств в данную типологию фактически не впишутся, как, впрочем, и государства, оказавшиеся в переходных зонах между вышеперечисленными четырьмя основными типами. Возникает риск того, что исключений может оказаться больше, чем отвечающих правилам типологизации. Однако эти исключения как раз в силу своей контекстности косвенно подтвердят правила.

Для эмпирических исследований на практике это будет означать, что единая и однотипная операционализация пока еще остается невозможной. Требуется пройти всю цепочку от формулирования исследовательского вопроса через определения исследовательского замысла (дизайна) к операционализации. Тем самым способы операционализации еще долго будут определяться исследовательскими вопросами, дизайнами и контекстами отдельных исследований. Нам еще долго по образцам творчества С. Роккана и его коллег придется проводить длительные и многочисленные

серии исследований, так называемые плотные сравнения (*thick comparisons*), прежде чем мы все коллективно сможем приблизиться к созданию чего-то, напоминающего концептуальную карту глобальной государственной состоятельности.

Список литературы

1. Toynbee A.J. A Study of History. Vol. IX: Contacts between Civilizations in Time (Renaissances); Law and Freedom in History; The Prospects of the Western Civilization, Oxf.: Oxford University Press, 1954.
2. Драгунский Д.В., Цымбурский В.Л. Генотип европейской цивилизации // Полис. 1991. № 1.
3. Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. 2008. № 4.
4. Ильин М.В., Цымбурский В.Л. Общества «открытые» и «закрытые» (миф и его рационализация) // Космополис. Альманах. 1997.
5. Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. и др. Политический атлас современности. М.: МГИМО, 2007.
6. Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии (1926) // в кн.: Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
7. Тойнби А. Исследование истории. М.: АСТ, 2010.
8. Челлэн Р. Государство как форма жизни. М.: РОССПЭН, 2008.